

Ренарт ШАРИПОВ

Пельменная «Парус»

Если вы читали мой опус про уфимские паб-кроллы, который вышел в газете «Истоки» под названием «Ностальжи», то вам должно быть понятно, о чем пойдет речь.

Действительно, название «Ностальжи» больше подходит к этому этюдику, потому что об уфимском паб-кролле в нем упомянуто вскользь. Теперь я хочу остановиться на этой теме подробнее. Это, скорее всего, будет ряд историй, потому что невозможно все уместить в один небольшой рассказ.

Эх, не дает мне покоя тема общепита, особенно — общепита советского. Все это ушло, и лишь крохотные островки советского счастья порой, выплывают из серого океана современности. Современный общепит дорог, вылощен (точнее — выхолощен) и равнодушен к тебе. И главное — скучен, как и сам капитализм.

Уфа десятых годов стала пестреть ядовито-яркими вывесками фастфуда, и под агрессивным напором макдональдо-кээфсишно-бургеркингской франшизы вымирают либо становятся не похожими на себя оазисы гибнущего «совка». Последняя аутентичная пельменная в городе под названием «Парус» погибла как раз на рубеже нулевых и десятых годов.

Пельменная «Парус»... Я успел там побывать чисто случайно, ибо судьба давно не заносила меня на улицу моего детства — Аксакова, где я провел несколько счастливых дошкольных и начально-школьных лет и где стоял удивительный доходный дом, во дворе которого у колодца шелестел настоящий бамбук, привезенный явно каким-то ветераном русско-японской войны откуда-нибудь из-под Ляояна. Нет уже вековой липы и бамбука, который на удивление хорошо прижился в нашем дворе, хотя и не достиг Положенных ему на родине размеров. Нет самого дома и автошколы ДО-СААФ и солдатских казарм уфимского гарнизона, равно как привычной

надписи на заводе напротив: «Экономика должна быть экономной. Л.И. Брежнев».

Я приехал на улицу своего детства навестить и подбодрить товарища, которому ампутировали ногу из-за диабетической гангрены, он проходил курс обучения ходьбе на протезе в реабилитационном центре для инвалидов. Покончив с этим психологически тяжелым, но морально нужным визитом, я вышел на улицу и почувствовал, что страшно проголодался.

Тогда я работал в известном университете (назовем его, чтобы никого не обидеть, «углеводородным»), и тот злополучный год выдался для меня довольно тяжелым. Единственным приятным утешением в череде проблем было то, что занятия я должен был проводить не в главных корпусах «углеводородного» вуза в Черниковке, на виду у недоброго ко мне начальства, а в здании архитектурного факультета в Зелёной роще, где рядом — павильоны ВДНХ, Ботанический сад и кафе «Лесное». Мне было удобно добираться сюда с проспекта, нравилось, что рядом — лес, да и приятно было просто ехать через привычный торговый центр «Башкирия», где -прошла пара-тройка незабываемых, лет, навсегда вошедшая в наши золотые «Хроники Пирамиды»! Занятий в весеннем семестре было много, да и Неудивительно — ведь осенний семестр я практически полностью просидел дома, гоняя балду, но зато весной пришлось наверстывать упущенное и вычитывать нагрузку по полной — какой-то странный был у них там учебный план. Я бы предпочел вычитать нагрузку в осеннюю слякоть и декабрьскую стужу и наслаждаться весенним отдыхом. Но не вышло.

Единственное, что немного портило впечатление от работы в этом корпусе, — это дикие сквозняки в аудиториях и отвратительная столовая.

Столовая была ужасной — даже в самые тяжелые годы перемены формации наша бэгушная столовая и то не была таким кошмаром! Это был какой-то мрачный гибрид-ублюдок советской эпохи и лихих девяностых, с грязными столами, сквозняками, угрюмым обслуживающим персоналом и холодными, почти несъедобными блюдами, за которые к тому же драли втридорога. От сквозняков в аудиториях спасения не было, и в итоге я заработал остеохондроз, но получить вдобавок к этому язву желудка я точно не желал. Студенты подсказали мне альтернативу — напротив кафе «Лесное», они все туда ходят. Я поначалу обрадовался — хорошее кафе, у меня были с ним связаны приятные воспоминания. В середине девяностых я туг гулял на бесшабашно-неформальско-археологической свадьбе моей однокурсницы Янки.

Кафе не разочаровывало, выбором блюд и приятным обслуживанием, но... ощутимо било по карману. Впрочем, студентов это не расстраивало, они были в этом кафе завсегдатаями. Это было впервые в моей педагогической практике, когда я с горечью убедился, что беднее своих студентов. Вообще углеводородный вуз возмутил меня своим похабным отношением к преподавательскому составу, придирками, волокитой, махровой бюрократией, хамством начальства и удручающе низкой зарплатой! Помню, когда я устроился туда и сказал об этом знакомым; они мне говорили - «о-о-о, круто; ну все, разбогатеешь!». Ага! Если бы!

Студентами этого вуза были в основном дети бизнесменов и начальников, и они выкладывали в кассу углеводородного храма наук за учебу очень нехилые деньги. В тот год я покатался на таких роскошных автомобилях, что было не стыдно потом вспоминать. Но за себя было обидно.

И было унизительно рыться в карманах, выискивая мелочь, и долго выбирать блюда подешевле на глазах у небрежно кидающих на кассу пятисотки и тысячные своих же студентов. Когда занятий на дню у меня было мало, еще туда-сюда — отчитал часы, поехал домой и поел. Но в расписании у меня стояла, «черная пятница» — пары с утра и до позднего вечера, никуда не

мог отлучиться. Пары были поставлены по-свински — сначала первая и вторая, потом - окно, потом еще пара семинарских, снова окно — и вечерние лекции у заочников. И окна такие — всего час двадцать; никуда особо далеко погулять не уйдешь... Шляйся тут же, чтобы не было риска опоздать на занятия, а в драконовских условиях углеводородного храма наук это было весьма чревато! Приходилось в перерывах между занятиями слоняться по коридорам вуза или сидеть в душном кабинете и, само собой, раскошелиться на кафе, ибо до вечера надо было как-то дотянуть.

Но в ту пятницу мне повезло — то ли отменили занятия из-за приезда иностранной делегации, - то ли еще что-то, в общем, компьютерная сетка расписания дала сбой, и я после первой пары оказался свободен до вечера, потому что вечерников никто не отменял.

И тут я вспомнил, что давно обещал Андрюшке заехать к нему, навестить, и поддержать, так сказать, морально, попавшего в беду человека. Я быстренько «снял» очередного драйвера, которых было в изобилии среди нерадивых студентов, шатающихся по двору (многие из них предпочитали оказывать преподам услуги извозчиков, нежели учиться «по чесноку»), сел на переднее сиденье дорогушей «Мазды». Движок взревел, меня, как космонавта, вдавило в кресло, и минут через пятнадцать я уже был на улице своего детства...

С тех пор как в начале нулевых безжалостно снесли дом моего детства, в котором прошли самые счастливые и безмятежные годы, я старался бывать на улице Аксакова как можно реже. Тяжело было видеть голый асфальт автостоянки на месте, где росли липа и бамбук. Мне было бы, наверное, легче, если на месте снесенного дома построили новый, это хоть как-то утешило бы меня. Но, увы — мои детские воспоминания оказались «закатаны под асфальт» безжалостной эпохи.

Но теперь выбирать не приходилось — реабилитационный центр стоял на Красина, а эта улица, где находится до сих пор моя первая и единственно

любимая девяносто первая школа, перпендикулярна моей улице. Да, именно — моей улице. У меня их в жизни две — Аксакова и проспект Октября. Долгое время я проживал и на улице Зорге, но, когда я бываю там, почему-то ничего во мне не шевелится, ни одна струнка. Странно, но, видимо, там счастлив я не был.

Были в моей жизни и улица 50 лет СССР, Интернациональная, Достоевского, и. улица Салавата, Сибирский тракт в Казани, и улица Кантемировская в Москве. Но свою первую улицу, равно как и то место, где живу по сей день, я всегда и бережно храню в своем сердце.

И вот, выйдя из реабилитационного центра, я дошел до перекрестка, кинул взгляд на серое здание девяносто первой школы и свернул в сторону места, где стоял родной дом. Я шел по Аксакова со смешанными чувствами — в целом улица изменилась мало за прошедшие годы. Волна реконструкций и перестроек ельцинско-рахимовской эпохи мало затронули эту улицу, и она во многом сохранила свою аутентичность. И надо же было так нелепо попасть под замес именно тому дому, в котором я жил! Даже деревянные дома дореволюционной постройки, которые стоят чуть выше к улицам Коммунистической и Свердлова, сохранились в первозданном виде!

Вот завод, вот перекресток с улицей Чернышевского, и даже колонка, к которой мы ходили за водой, цела. Там, по правую руку, если пройти совсем немного — здание профтехучилища, где долгое время работала моя мама и где я не раз бывал.

Мама постоянно проклинала свою работу, ругала дебилов-учащихся, которые мотали ей нервы. Приходила она оттуда, как правило, злая, на нервах, порой срывалась на нас, детей. Но мне, когда я ходил к маме, было там интересно и весело! Мамины ученики (а больше ученицы) играли со мной, таскали меня по коридорам, шутили и всячески баловали. В лаборантской для меня находилась куча интересных вещей - какие-то гипсовые и картонные геометрические модели, носившие странные названия — октаэдр, пентаэдр,

пыльные портреты старорежимных строгих бородатых стариков в пенсне — гениев математики... Всё это было ужасно интересно и заканчивалось приятным — визитом в столовую ГПТУ, где нас с мамой кормили совершенно бесплатно! Да — была такая льгота в советское время — преподавательский состав и учащиеся в ремесленных училищах (таково было их первоначальное название) кормили бесплатно, за счет фондов тех предприятий, к которым были прикреплены данные учебные заведения. Мы питались за счет строительного треста и часто ездили в трестовскую турбазу, которая стояла на Уфимке около деревни Каршады. И кормили — что на турбазе, что в училище — превосходно! Без особых изысков, конечно: никто не думал подавать нам салат «Цезарь», фуагра и «Тирамису». Да мы тогда и не знали о таких кулинарных изысках, и мне очень нравилась добротная, пусть и нехитрая, но очень вкусная и сытная пролетарская еда! Большие порции картофельного пюре и тушеной капусты, щедро политые густой ароматной мясной подливкой, толстенные кусищи подрумяненной жареной колбасы, шницели величиной с лапоть, щи, в которых без преувеличения стояла ложка... На десерт - крупные яблоки. В какой еще стране мира государство кормило так от души и полностью безвозмездно свою подрастающую рабочую молодежь? Только расти, только учись, только приходи к нам работать... Учащимся в ремесленном полагалась бесплатная форма — синяя шинель из добротного толстого сукна и беретка. Смешно уже это было к концу восьмидесятых, но когда эта система создавалась, представьте, как себя чувствовал вечно голодный паренек-лапотник тридцатых, сороковых и пятидесятых годов, прибывший пешком из родной деревни и попавший в рай ремесленного училища? Харчи — от пуза, теплое общежитие с койкой и чистой простыней, да еще и шинель из добротного сукна! На производственной практике учащимся, помимо положенной стипендии, выдавали за работу деньги в том же объеме, в каком платили взрослым, хотя работали они четыре-шесть часов. Дети все-таки...

Повздыхав об утраченном ГПТУ и его столовой, я как нельзя остро ощутил пустое брюхо. Я по биоритму сова, и мне тяжело заставить себя плотно позавтракать. К тому же, чтобы позавтракать плотно, надо встать на час раньше, сварить кашу. А какой тут ранний подъем, когда лег в пятом часу утра, потому что писал, а у писателя в распоряжении только ночь, а тебе еще на первую пару бежать... Тут бы глаза продрать, побриться, причесаться, чертыхаясь, поискать чистые носки... В этом утреннем стрессе судорожных сборов на работу, затягивания ненавистного галстука на шею еще не проснувшийся аппетит совершенно подавлен. Глотаешь на ходу чашку кофе — и вперед! А вот когда доедешь до работы, да еще отчитаешь первую пару, вот тут-то как раз и включается подсос! Читаешь лекцию, а у самого слюнки текут и мысли все уже на кулинарную, а не политологическую тему, и ждешь не дождешься большой перемены, готов идти даже в проклятую столовую углеводородного университета...

А тут так сложилось, что я выпал из привычного жизненного цикла — дом-работа-дом, но при этом ощутил, что дьявольски хочу есть! И мой взгляд упал на небольшое кирпичное здание, незаметно притулившееся к забору почти на перекрестке Аксакова и Чернышевского. Явно еще советская вывеска сообщала, что это и есть легендарная пельменная «Парус»...

Пельменная «Парус» работала весьма активно, судя по открывающимся и захлопывающимся дверям. У крыльца стояли грузовые автомобили. Шоферская корпорация у нас в стране, как ни странно, является могучим хранителем таких оазисов старого мира.

«А ведь я тут ни разу не был, — подумал я.— Жил на этой улице и ни разу не был в этой пельменной!»

Впрочем, когда я жил на этой улице, был еще весьма мал, чтобы харчеваться самостоятельно, да и денег у меня особо тогда не водилось —

иногда получал 20 копеек, на мороженку - и все. Питался я тогда дома, в столовой школы №91 и ГПТУ-8, когда приходил туда с мамой. Ипельменная «Парус» не попадала в поле зрения.

В девяносто первой школе была тоже замечательная столовая, где нас кормили воистину на убой. Осенью нас закармливали арбузами и виноградом, ближе к зиме их заменяли венгерские яблоки и апельсины. На полдник к чаю нам частенько подавали, здоровенные ломти румяного пирога с рисом и мясом. Да, у нас был полдник, потому что продленка в этой школе была до четвертого класса включительно, и домой я возвращался только вечером. Хорошо было на советской продленке! Нас водили гулять в парк Якутова и детский городок на улицу Гафури, потом мы учили уроки, и это было замечательно, ибо наши учителя были рядом и все доходчиво объясняли. Подготовка уроков проходила в такой обстановке весело и незаметно; а когда мы дружно расправлялись с домашними заданиями, то, дожидаясь родителей, которые должны были нас забрать, коротали время за чтением книг вслух.

Пусть у вас не создается ложное впечатление, что во всех уфимских школах детей кормили, как в санатории, и возились с приготовлением уроков. Школа № 91 была элитной, образцово-показательной, и попасть в неё было весьма непросто. Передо мной вообще встал выбор — мне исполнялось семь лет в ноябре, ждать еще год, чтобы пойти в 91-ю школу, или отправиться, как мои дворовые приятели, в 10-ю школу на Зенцова. Мне было все равно, я даже хотел пойти в десятую школу — ведь там учатся Ханиф и Шабай, пацаны старше меня, с которыми так интересно было играть в гангстеров и лазить на территорию автошколы ДОСААФ, наблюдать за строевой подготовкой солдат уфимского гарнизона из-за кирпичного забора... Но мама была категорически против моей учебы в десятой школе. Дело было в том, что некоторые учащиеся сей школы оказались рекрутированы в ее ГПТУ. Ученики девяносто первой школы, как выяснилось, в ряды учащихся ПТУ не попадали. Мама жаловалась, что с городскими в числе ее учеников у нее основные проблемы.

В общем, предубеждение против десятой школы у мамы было стойкое, и я год погулял на свободе, не ходя ни в садик, который уже перерос, ни в школу. Затем пошел учиться в 91-ю школу — школу со старыми традициями, английским уклоном — и весьма серьезным, потому что даже надписи на дверях были исключительно на английском языке! Школа была главным поставщиком абитуры на факультет романо-германской филологии Башкирского государственного университета. Но я не доучился в этой школе и в итоге высшее образование получил на историческом факультете. Впрочем, это уже отдельная история.

А в тот момент я дико обрадовался возможности посетить уголок советского общепита, который располагался к тому же на улице моего детства! Я шагнул в заветную дверь... и не разочаровался в увиденном. Пельменная была правильной — именно такой,- какой должна быть настоящая советскаяпельменная. С хлопающими дверями, клубами пара, отдающими дурающим запахом настоящихпельменей... С хмурыми и не улыбающимися по-советски, но в душе добрыми тетками на раздаче — толстыми, как им положено... И небогатым, но роскошным советским выбором — пельмени, только пельмени. Либо с томатом, либо со сметаной. Помню, как я посмеивался, читая опус Макаревича о советскойпельменной.

Бедные москвичи — вы не знали, какие были пельмени в Уфе, в настоящей " уфимскойпельменной! Вы ели их с маслом и уксусом или (вот беда лаги!) с горчицей. Наш выбор, я считаю, был грамотнее — с томатом или сметаной. Это как у Успенского — «Неправильно ты, дядя Федор, бутерброд ешь!». Так что неправы те блогеры, которые сейчас утверждают, что в советском общепите меню было одинаковым от Ужгорода до Владивостока. Неправда ваша, дяденьки! Все дело в маленьких различиях. Набор блюд, может, и не был стандартным, по всей необъятной стране, но в каждом регионе был свой колорит.

По-башкирски правильно было потреблять пельмени с томатным соусом (в наших пельменных он был уникальным, дома так повторить не удавалось при всем желании) или со сметаной. И с бульоном.

Совсем недавно, разговаривая со своим знакомым, который тоже учился в БГУ, но на десяток лет ранее меня, я выяснил, что они любили ходить в пельменную, которая располагалась на улице Карла Маркса и называлась «Дружба». В наши времена она называлась уже «Дуслык» и стала немного дороговатой. Но суть не в этом. Суть в том, что, вспоминая студенческие годы, знакомый произнес магическую фразу:

— Полторы, с томатом, две булочки и компот!

Самый правильный выбор голодного студента! Не было момента счастливее, чем когда стоял ты, изголодавшийся после нудных и долгих лекций у окошка раздачи пельменей, и хмурая, но добрая толстая тетя в замызганном халате плескала своей пухлой рукой в глубокую тарелку из грубого советского фаянса дымящиеся заветные полторы порции и подливала в них из металлического черпака чудесной буроватой жижи с уникальным натуральным вкусом томата. И две румяные - булочки — говорят, что раньше их называли «французскими», в наше время они назывались «городскими». Несешь свой коричневый поднос в плесках бульона к столу-стойке на высокой треноге, вгрызаешься в булочку и зачерпываешь гнутой алюминиевой ложкой первый пельмешек... Пельмень лопается у тебя во рту, из него брызжет бульон и непередаваемый вкус томатного соуса, которого уже нигде и никогда не удастся попробовать, заполняет тебя экзистенциальным ощущением полноты и остроты бытия... Ты глотаешь свои «полторы» жадно, и пельмешки летят в твое нутро так быстро, увы, так быстро... После того как ты уже осознал, что булочки и пельмени уничтожены, в животе еще остается щемящее чувство того, что ты не доел, и ты с завистью смотришь на другие столы, где дяденьки с большой, зарплатой деловито поглощают двойные порции. Думаешь — эх, двойная была бы сейчас в самый раз!

Ты выходишь из пельменной, запив свой обед стаканом компота или чая из граненого стакана, закуливаешь — после стипендии болгарскую сигаретку, а в конце месяца «Приму» или «Ватру», и только тут начинаешь ощущать полновесную сытость в тощем студенческом желудке.

— Светлее стало! — обычно приговаривал в таких случаях Рустик Казакбаев, неизменно ковыряясь в зубах и сверкая широким солнечным ликом...

Вот мы и добрались, наконец, до одного из главных участников уфимских паб-кроллов моих студенческих лет, основного их апологета, а зачастую — и спонсора наших студенческих пирушек... Но по-настоящему мы до него доберёмся, если вам нескучно читать щемящие мне душу воспоминания, щедро излитые — увы, уже не на бумагу, а на экран компьютера. Хотя и бумага рядом — хорошая, белая офисная бумага в разноцветных пачках, и ручка есть — садись да пиши. В мои студенческие годы, когда я писал стихи на задних страницах лекционных общих тетрадок в клеточку — да такую роскошь!

— Полторы с томатом, две булочки и компот! — с замиранием сердца я сделал свой заказ, из студенческого далека. толстой и хмурой, но в душе доброй тетеньке из пельменной «Парус», чудом уцелевшей в этом пластмассовом мире. Все шло, как и должно было идти — где-то там, в той, минувшей, канувшей в Лету Уфе из прекрасного далека. Мы ждали этого далека, слушали песню на экране и огромные глазищи Наташки Гусевой провожали нас в Него — ШКОЛЬНИКОВ в неуклюжих темно-синих костюмчиках с тускло-белесыми металлическими пуговичками и нелепыми

погончиками и сбившимися набок алыми галстуками... Мы бежали в «далеко», и оно оказалось жестоко к нам. Когда обернулись назад — увидели, что «далеко» осталось позади, и, с каждым годом оно всё дальше от нас, наше прекрасное советское далеко...

Я ел правильные уфимские дореформенные пельмени, политые правильным дореформенным томатным соусом, заедал их круглой городской булочкой и запивал компотом из сухофруктов. Я был счастлив. После долгих лет выработанного постсоветской эпохой отвращения к пельменям я в 2009 году ел наконец в настоящей пельменной. А на носу уже стоял очередной кризис... И пельменную, устоявшую во время горбачевских и гайдаровских реформ, мужественно перестоявшую дефолт, смело этой новой глобалистической волной. Да, чудес не бывает, а если они и случаются, то существуют скромно и незаметно где-то на задворках жизни. Но темные силы глобализма зорки — высмотрели все же и эту последнюю в Уфе «Брестскую крепость» советского быта и беспощадно расправились с ней. И мне остается утешаться лишь тем, что я успел побывать в этой пельменной на самом закате ее дней, и этот визит дал мне на какое-то время моральные силы бороться с жизненными обстоятельствами....

Август 2014 г.